

Родина. 1880. Мартъ



ПЕРЕСЕЛЕНЦЫ ВЪ ТУРКЕСТАНСКОМЪ КРАѢ.

Въ 1875 году, въ первой половинѣ мая, я ѣхалъ изъ Петербурга въ туркестанскій край. Желѣзной дороги отъ Самары до Оренбурга еще въ то время не существовало, такъ что, доѣхавъ на пароходѣ отъ Нижняго до Самары, дальше приходилось уже путешествовать на перекладныхъ. Кому случалось проѣзжать самарскія и оренбургскія степи лѣтомъ, когда онѣ покрыты густой зеленой травой, тотъ долго ихъ не забудетъ; тутъ уже начинаютъ попадаться дорогой и табуны дикихъ лошадей, гоняемые киргизами, и огромныя пасущіеся стада овецъ. Но горько ошибется тотъ, кто по этимъ степямъ станетъ составлять себѣ понятіе о степяхъ туркестанскихъ. Стоитъ проѣхать Оренбургъ, перебраться черезъ губерлинскія горы, проѣхать уральскую степь — и природа совершенно мѣняется. Въмѣсто зеленыхъ равнинъ, вездѣ, куда только глазъ хватаетъ, видны лишь сыпучіе пески, кой-гдѣ покрытые бурой высохшей колючкой, придающей пустынь какой то сѣрый видъ; мѣстами же, какъ грязный весенній снѣгъ, разстилаются бѣловатыя

пространства отъ выступившей на поверхность земли соли. Жара удушливая; лошади еле двигаются, колеса почтовой телѣги тонутъ въ сыпучемъ пескѣ. На душѣ тяжело; знаешь, что долго еще придется ѣхать такой дорогой, что почти до самаго города Казалинска не увидишь зеленого деревца. Двѣ станціи оставалось мнѣ сдѣлать по этой степи до залива Аральскаго моря, называемаго Акъ-Джулпасъ; тамъ, какъ рассказывали ямщики, дорога пойдетъ полегче, пески болѣе бугристые, не такъ сыпучи. Отъ нетерпѣнія скорѣе доѣхать даже и сонъ пропадаетъ, и по неволѣ смотришь по сторонамъ, хотя и смотришь то не на что: все тѣ же пески, солонцы, да покрытая пылью, изсохшая колючка. Вдругъ глазамъ моимъ представилось что то небывалое, необыкновенное. Стороной, вдоль дороги тянулся обозъ; скрипѣли тяжелые возы, наполненные разнымъ домашнимъ скарбомъ; волы, опустивъ головы, шли тихимъ шагомъ, отгоняя хвостами докучливыхъ мошекъ; мужики шли пѣшкомъ, заложивъ за спины руки; нѣкоторые гнали передъ собой худыхъ

киргизскихъ коровенокъ; кое-кто, а больше бабы и ребятишки, спали на возахъ. Вozовъ я насчиталъ до двадцати. Это зрѣлище меня сильно поразило. Откуда взялись они? куда и откуда идутъ? Попробовалъ было я заставить ямщика киргиза повернуть лошадей, чтобы подъѣхать къ обозу и пораспросить, но онъ рѣшительно отказался, объяснивъ, что если повернуть лошадей, то съ ними послѣ и несправишься, — прямо принесутъ въ конюшню, не смотря на то, что теперь еле плетутся. Дѣлать было нечего, пришлось удовольствоваться разспросами ямщика, который съ трудомъ, ломая русскій языкъ, разсказалъ мнѣ, что это русскіе переселенцы, за годъ или полтора поселившіеся подъ Казалинскомъ, что теперь они уходятъ обратно на родину, такъ какъ землями недовольны; говорятъ, что если бы знали раньше, то и не пошли бы; что дорогой теперь они покупаютъ у кочевыхъ киргизъ скотъ, который въ этомъ году дешевъ; домой ли они его гонятъ или въ Оренбургъ продавать будутъ — неизвестно. Больше я отъ него ничего не могъ добиться, такъ какъ онъ затянулъ въ полголоса свою унылую безконечную пѣсню, вѣроятно, полагая, что вполне удовлетворилъ моему любопытству. Одно меня утѣшило, — изъ словъ ямщика я понялъ, что дальше, по дорогѣ, вѣроятно, завтра или послѣ завтра попадутся еще такіе же переселенцы; онъ слышалъ, что это еще не послѣдній обозъ, и я надѣялся при встрѣчѣ съ первымъ мужичкомъ распросить обо всемъ подробно.

Солнце уже сѣло, когда на другой день я подъѣзжалъ къ почто-

вой станціи Акъ-Джупасъ, находящейся въ четверти версты отъ залива. Заливъ казался огромнымъ озеромъ. Нѣсколько усталыхъ верблюдовъ изъ каравана, остановившагося не вдалекѣ на ночевку, неподвижно стояли по брюхо въ водѣ; вытянувъ свои длинныя шеи и устремивъ любопытные глаза на дорогу; воды они не пили, потому что она солона, а вѣроятно, хотѣли освѣжиться, хотя врядъ ли она была холоднѣе воздуха. Въ сторонѣ чернѣли киргизскія кибитки, похожія издали на ульи. Быстро темнѣло въ степи. Послѣдніе отблески вечерней зари уже потухли, когда телѣга остановилась передъ входомъ въ низенькую саклю, изъ которой выставлялось колѣно трубы отъ желѣзной печки. Это и была станція. Оказалось, что лошадей нѣтъ и раньше утра ѣхать далѣе и думать нечего. Въ низенькой, тѣсной комнаткѣ была духота невыносимая, — я вышелъ на крыльцо. Ямщикъ-киргизъ зажигалъ разбитый фонарь, заклеенный бумагой, висѣвшій на столбѣ передъ домомъ. Луна отражалась въ водахъ залива. Какая то темная живая группа виднѣлась въ полуверстѣ на берегу залива; отъ нея отдѣлялись какія то тѣни, при свѣтѣ горѣвшихъ костровъ. Я спросилъ ямщика, зажигающаго фонарь, что это такое, и получилъ отвѣтъ, что это русскіе, идущіе изъ Казалинска и остановившіеся здѣсь на ночевку. Судьба, видимо, мнѣ благопріятствовала; представилась возможность, въ ожиданіи лошадей, перетолковать съ переселенцами и разузнать, почему они возвращаются на родину, пробывъ на новыхъ мѣстахъ такое короткое время. Я

отправился по направлѣнію къ привалу. Подойдя ближе, я увидѣлъ четыре большихъ костра, сложенныхъ изъ колючки и всякой сухой травы, которую только можно было набрать въ голой степи. Около костровъ копошились люди и готовили ужинъ. Я подошелъ къ первой группѣ. Старшій изъ мушкетеровъ поднялся съ мѣста и поклонился. Это былъ мужчина большаго роста, съ окладистой бородой съ просѣдью, на видъ лѣтъ сорока пяти, въ бѣлой, запыленной отъ дороги рубашкѣ. Умное лицо его сразу внушало къ себѣ довѣріе. Объяснивъ, что, оставаясь на станціи, въ ожиданіи лошадей, я воспользовался случаемъ поболтать съ русскими людьми, которыхъ не встрѣчалъ еще съ самаго начала моего путешествія по степямъ, — я согласился на сдѣланное мнѣ предложеніе попробовать рисовой каши, которая варилась въ котелкѣ, по киргизски, на бараньемъ салѣ, и въ свою очередь предложилъ угостить гостепріимныхъ путешниковъ чаемъ. Черезъ полчаса, поѣвъ каши и распивая чай, мы разговаривали какъ старые знакомые; причемъ мнѣ не трудно было допытаться и о томъ, почему эти люди забрались въ этотъ край и зачѣмъ назадъ возвращаются. Вотъ что рассказалъ мнѣ дядя Иванъ, такъ звали главу семейства. «Жили мы прежде въ лѣсныхъ сторонахъ, на лѣвомъ берегу Волги. Пахатной земли мало; нѣтъ-нѣтъ, да и выберешь мѣсто, и запахаешь въ чужомъ то лѣсу, а то бывало и такъ, что не только для себя, а и на продажу чужой лѣсъ рубили. Прежде все съ рукъ сходило, а потомъ въ лѣсахъ другіе порядки завелись. Пришли

землемѣры, разверстали лѣса на участки, сторожей силу нагнали, штрафы пошли; сильно начали допекать штрафами, а потомъ и по судамъ таскать. Одолѣли насъ лѣса, скотину выгнать некуда. Прежде отъ этихъ самыхъ лѣсовъ кормились: лыко драли, деготь гнали, пчелу водили, а тутъ отъ лѣсу совсемъ отступиться пришлось. Пойдутъ бабы сукъ собирать — деньги требуютъ. Порубка случилась — по цѣлой деревнѣ обыскъ. Пробовали, было, міромъ участокъ купить, — не продаютъ; васъ, говорятъ, только пусти въ лѣсъ, а тамъ разбирать не станете, что свое, что чужое, покупайте что надо по штучно. Съ одной пашни семьи не прокормишь, земли мало, а урожай если самъ-самъ, такъ Бога благодари, что не меньше; какъ тутъ жить станешь? Скоро слухъ пронесся, что, молъ, тѣмъ, кто переселиться хочетъ, даютъ и денегъ на обзаведеніе, только, молъ, уходите отъ грѣха подальше. Стали объ этомъ думать, да раздумывать; уйти не долго, а куда уйдешь? чтобы изъ огня да въ полымя не попасть. Пришелъ Ивановъ день, народъ въ кабацѣ собрался, вся, поди, деревня; что за притча? Миколка — бобыль, говорятъ, проявился, да такъ хорошо рассказываетъ, хоть уши развѣсь. Лѣтъ шесть передъ тѣмъ, Миколка этотъ ушелъ изъ деревни, нанялся въ какую то артель и съ тѣхъ поръ о немъ ни слуху, ни духу не было. Семьи у него не было, горевать некому, такъ объ немъ и позабыли; сказывали, что на Волгѣ и до сей поры бичеву тянетъ; а какъ тутъ увидали, такъ Миколку и узнать нельзя: рубашка французскаго сит-

ца, шаровары плисовые, московская гармонія въ рукахъ, не то ямщикъ троечный, не то кучеръ барскій. Штофъ вина ему на угощеніе поставили, — Миколка на міръ полведра требуетъ. Стали распрашивать, откуда прибылъ? — «Изъ такихъ, говоритъ, далекихъ странъ, что не скоро и расскажешь. Изъ васъ, говоритъ, пожалуй, не всѣ и Волгу то въ настоящую видѣли; а я семь рѣкъ переѣхалъ, за Сыромъ рѣкой былъ, Аму-рѣку видалъ. У васъ, говоритъ, за прошлый годъ какой урожай былъ? Хорошій, говорятъ мужики, зачѣмъ Бога гнѣвить, не жалуемся. А самъ сколько? Самъ-семь. Самъ-семь? говоритъ, а самъ-тридцать слышали? а самъ-шестьдесятъ просо, правится? Мы, говоритъ, еще и не такіе урожаи, и лучше видали. Не вѣрили сначала мужики, думали вретъ, а какъ зашелъ въ кабакъ татаринъ проѣзжій изъ Казани, что по деревнямъ краснымъ товаромъ торговалъ, и началъ съ нимъ Миколка, по ихнему, по татарски разговаривать, — мужики диву дались, потолковали да и порѣшили, что видно и въ самомъ дѣлѣ въ азійскихъ сторонахъ побывалъ, если такъ рѣжетъ по татарски. Много любопытнаго рассказывалъ Миколка о тѣхъ странахъ: что и зимой то тамъ не замерзнешь, хоть на дворѣ почуй; народъ, молъ, тамъ и избѣ не строить, а въ войлочныхъ кибиткахъ живетъ, дождя, говоритъ, тамъ для урожая не нужно, вездѣ по полямъ канавы изъ рѣкъ проведены, когда надо и полилъ поле; навозу не падо, а поле, что твой огородъ; что посѣялъ, то и растеть; земель свободныхъ много, сколько хочешь, столько и бери,

и податей, говоритъ, тамъ съ русскихъ не берутъ. А татаринъ все ему поддакиваетъ, рассказываетъ, что страны эти знаетъ, даже родные у него тамъ есть. Дня черезъ два, пропалъ опять Миколка, только его и видѣли; но рѣчи его не пропали даромъ: стали мужики толковать міромъ и порѣшили отправиться на новыя земли; чуть не половина волости собралась. Татаринъ тутъ опять проѣздомъ подвернулся, спросили о дорогѣ. — Ступайте, говоритъ, на Самару, на Оренбургъ городъ, а оттуда на Сыръ-рѣку, тамъ есть крѣпость Казалинскъ, тамъ и новыя земли укажутъ.

Не легко было намъ собраться, говорилъ дядя Иванъ; все-таки, не смотря на всѣ невзгоды, хозяйство шло кое-какъ, да послѣ смерти хозяйки стало ужъ слишкомъ тошно жить на старомъ мѣстѣ, ушелъ бы куда глаза глядятъ. Сынъ, нарень молодой, здоровый, вездѣ подмогой будетъ, сноха и году нѣтъ какъ замужемъ, баба крѣпкая, работница; вотъ бабушку Аксинью жалко было, человѣкъ старый, долго-ли проживетъ, Богъ вѣсть, — все лучше на родинѣ кости сложить. Но бабушка Аксинья была изъ бойкихъ; какъ прослышала, что переселяться собираются, хоть отъ нея и скрывали сначала, вмѣсто того, чтобы отговаривать, сама еще подбиваетъ, авось, молъ, тамъ лучше будетъ; видно понимала, что старый молодому не долженъ быть помѣхой.

Ранней зимой, какъ снѣгъ выпалъ, такъ и тронулись; на саняхъ, съ тѣми же лошадьми до самаго Орека дошли, а это ужъ далеко за

городомъ Оренбургомъ, за горами губерлинскими. Шли потихоньку, чтобы лошадей не загнать; на каждомъ привалѣ дорогу распрашивали. Народу отправилось не мало; у иного по шести саней было, всякаго добра понабрали. Такъ было и въ степь весной выходить хотѣли, да подошелъ въ то время къ Ореку другой обозъ изъ подъ Воронежа. Глядимъ, обозъ на колесахъ, да и не на лошадахъ, а на волахъ; возы длинные, оси толстыя съ желѣзными подосниками, колеса дубовыя; волы, подъ ярмомъ, сытые, крупные, а на возахъ чего только нѣтъ, все хозяйство. Оказалось, тоже переселенцы. Пораспросили, — говорятъ, на санихъ да лошадыми пускаться дальше и думать нельзя. Что дѣлать? Лошадей продали на базарѣ; хорошо еще, что за русскихъ лошадей въ Орекѣ давали рублей по сту за пару, а то и больше. Купили воловъ, по мелкихъ, другихъ тамъ и нѣтъ; рублей по сорока, по пятидесяти за пару платили; сладили телѣги, на каждую телѣгу по двѣ запасныхъ оси; говорятъ, какъ бы еще въ дорогѣ третьей не понадобилось. И воловъ еще запасныхъ прикупить пришлось, татаринъ встрѣчный посовѣтывалъ, да и дай Богъ ему за то здоровья; послѣ увидѣли, что безъ нихъ бы и не добратся. Прошли Орекъ, зеленныя степи кончились, пошли пески да солончаки; дошли до города Иргиза. Мертво и безлюдно въ этомъ городѣ. На базарѣ только однихъ киргизовъ и видишь, продаютъ коровенокъ, да чахлыхъ такихъ, у насъ годовая телка рослѣе; правда, и цѣна не велика, по-

отдастъ. Переночевали въ Иргизѣ, на разсвѣтъ дальше пошли; а что дальше, то хуже: жара и пыль одолеваяютъ. Потянулись бугры песчаные, перевалы сыпучіе. Запасные волы въ ходъ пошли, да и тѣ чуть не всѣ перепорчены. Ни кустика, ни травинки не видно, такъ что бабы и ребятишки начали по сторонамъ дороги сухой пометъ собирать, чтобы было чѣмъ на привалѣ огонь развести. Жарко такъ, что не подъ силу. Глаза горятъ и чешутся отъ пыли; волы то и дѣлочно чихаютъ. Ванюшка поминутно кричить: «Мама, пить хочу»; а откуда воды возьмешь, кромѣ колодезной и въ поминѣ нѣтъ, — говорили, что до самаго Сыра другой рѣчки и не будетъ, а колодцы далеко одинъ отъ другаго; не во всякомъ колодцѣ и вода хороша; есть такая соленая и вонючая, что и скотина пить не станетъ. Падать начала скотина, кормить нечѣмъ; штукъ восемь по дорогѣ бросили. Тутъ на несчастье и бабушка Авсинья разнемоглась, солнцемъ видно голову припекло; хотъ и устроили ей навѣсъ изъ рогожи надъ телѣгой, да старуха была шустрая, не сидится ей, какъ обозъ остановится, такъ и слезетъ, да отъ воза до воза и ходить, съ каждымъ поговорить ей хочется. А какъ занедужилось ей сильно, такъ на возу пластомъ лежитъ, только охаетъ, приподняться не можетъ. Помочь тутъ нечѣмъ; кто на послѣднемъ колодцѣ воды запасъ, принесетъ ей, а она и пить не хочетъ; на ночлегъ стали, кашу сварили, — не ѣстъ; «смерть, говоритъ, моя пришла, раньше знала, что въ дорогѣ помереть придется» не хотѣла только

васъ однихъ отпустить то, да и изъ за меня вамъ не слѣдъ оставаться было, много горя натерпѣлись, авось, Богъ дастъ на новыхъ мѣстахъ лучше будетъ». На другой день не успѣли до ночлега дойти, она и Богу душу отдала. Похоронили въ песчаномъ бугрѣ; Петръ изъ истертыхъ осей крестъ сладилъ, да едва ли къ нему и слѣдъ найдешь; не одинъ съ тѣхъ поръ буранъ гулялъ въ степи, а какъ пройдетъ буранъ, такъ и вчерашней дороги не узнаешь. Такъ дошли вотъ до этого мѣста, до залива. Кончились сыпучіе пески, дальше бугры пошли. Говорили встрѣчные киргизы, что не далеко и Сыръ-рѣка будетъ. Начался кустарникъ частый, — саксауломъ его называютъ, только насчетъ воды опять хуже стало; на одномъ ночлегѣ за водой пришлось верстѣ за восемь свернуть въ сторону отъ дороги. Последній ночлегъ у самой почтовой станціи сдѣлали. Тутъ ужъ дорога пошла твердая, по сторонамъ канавы; трава стала гуще, кое гдѣ и зеленая. Аулы показались; народъ засновалъ пѣшій и конный; увидали и земли пахатныя, вдали показалась и Сыръ-рѣка и цѣлый рядъ вѣтряныхъ мельницъ, такихъ же, какъ и у насъ. Это городъ Казалинскъ. Недѣли съ двѣ обозомъ подъ городомъ простояли, потомъ повели насъ на новыя мѣста, версты три отъ города, не больше. Здѣсь, говорятъ, можете строиться; а какъ тутъ будешь строиться: лѣсу нѣтъ, на базарѣ за жердь, въ руку толщиной рубль просятъ. Кой кто киргизовъ послушалъ: на базарѣ кошмяныя кибитки купилъ, рублей по 20, по 30 далъ, да вѣдь кибитка

не изба, въ ней и печи не приладишь, русскому человѣку такъ жить нельзя; больше на возахъ ночевали; такъ, обозомъ и стояли, какъ въ пути на привалахъ. Стали земли осматривать. Отвели земли подъ пахоть отъ рѣки версты за четыре или пять, мѣрой не скупилась, правда; было бы только засѣять чѣмъ: а земля сухая, твердая, суглинокъ съ солонцемъ, пескомъ пересыпана. Какъ, думали, эту землю пахать будемъ? Ни сохой, ни плугомъ ее не проберешь, авось, дождемъ, можетъ, размочить. Какіе, говорятъ, здѣсь дожди; дожди зимой бываютъ, а весной если и пойдетъ дождикъ, то развѣ только сверху смочить; нужно тутъ поливать землю, воду на нее провести, а какъ провести, киргизы, молъ, покажутъ. Пошли сосѣднія киргизскія земли осматривать. Урожаи вездѣ хорошіе; каждое поле канавками перерѣзано, по которымъ вода бѣжитъ, запрудятъ канавку — вода поле заливаютъ. Дошли до рѣки — подивились. Берегъ высокій, вода низко; гдѣ черпаками, гдѣ колесомъ, чигиремъ, воду поднимаютъ. Сѣнокосовъ нѣтъ; сѣно больше камышъ молодой, а то клеверъ сѣять, но клеверъ не такой какъ у насъ, а высокій, сушатъ его и въ снопы вяжутъ, рубля по два, по три, говорятъ, на базарѣ за сотню берутъ зимой.

Сильно загрустили переселенцы, новыя пахатныя земли, щедрою рукою отмѣренныя, не пришли въ сердце. На родинѣ лѣса одолѣли, дѣваться было не куда, земли не хватало, здѣсь земли сколько хочешь, да лѣсу на постройку не откуда достать, земля безъ воды не

родить, а провести ее не дешево стоит, да и трудъ не привычный, не скоро еще принаровишься. Сходку собрали. Больше половины переселенцевъ рѣшили перезимовать тутъ, а затѣмъ и назадъ отправиться, пока еще карманъ не совсѣмъ опустѣлъ; если прежнихъ земель и не получить, то все таки гдѣ нибудь по близости стараго жилья поселиться можно. Другіе рѣшились остаться. Авось, молъ, уживемся; особливо тѣ, что плотничать умѣли, нашли работу въ городѣ за хорошія цѣны. Стала осень подходить. Которые остались рѣшились, за стройку принялись, другіе же киргизскія кибитки купили, надо въ чемъ нибудь зиму провести. Объ избѣ и думать нечего. Колодцы рыть начали, глину мѣсить по киргизски съ соломой, комья лѣпили, на солнцѣ сушили; изъ комьевъ и стѣны выводили, двери изъ камышевыхъ плетенокъ на рамахъ ладили; камышевыя, плоскія крыши дѣлали. Солдаты изъ города помогать приходили. Хлѣбъ пріѣденъ, покупать стали. Скоро и зима подошла; холодныя вѣтры задули. Хватились на счетъ топлива; саксауль, колючку или камышъ съ лѣта запасаютъ, ѣздятъ за ними чуть не къ самому взморью, тутъ покупать пришлось, а киргизъ, народъ тоже не лыкомъ шитый, видитъ, что нужда, деретъ втридорога. Дожди пошли; стройка новая, крыши протекли и стѣны размывать стало; у кого кибитки, тѣмъ лучше было.

Въ началѣ февраля весна началась. Которые на новыхъ мѣстахъ остались, у киргизовъ на посѣвъ сѣмена купили, начали плуги ладить,

какъ у уральскихъ казаковъ высмотрѣли; два такихъ плуга приладили, да въ три дня двумя плугами и десятины не подняли; земля сухая, твердая; волю за зиму захудали отъ плохаго корма, обезсиляли. Стали бродить, старыя каналы осматривать: только одинъ слѣдъ остался, работа какъ есть заново. Думали міромъ чигирь строить, да одного мало: не то что двухъ, а пожалуй и трехъ не хватитъ на ту землю, что заняли, а чигирь стоитъ не дешево; рѣшили черпаками воду подымать, тутъ по крайности безъ спору, каждый свой черпакъ сладить.

Какъ пошло дальше хозяйство у переселенцевъ, какъ они сладились водой, дядя Иванъ рассказать не могъ, такъ какъ въ концѣ марта въ числѣ другихъ недовольныхъ новыми мѣстами, онъ отправился въ обратный путь. Было уже поздно, когда онъ окончилъ свой рассказъ; костры потухали, а поддержать огня было нечѣмъ и я, распростившись съ случайными знакомыми, отправился на почтовую станцію вздремнуть въ ожиданіи лошадей.

Многое въ рассказѣ дяди Ивана казалось мнѣ въ то время страннымъ. Почему, думалось, русскому человѣку трудно завести хозяйство въ этихъ странахъ, тогда какъ живущіе тамъ сарты и киргизы, которыхъ въ Россіи считаютъ чуть ни дикимъ народомъ, обходятся и безъ лѣсовъ, и безъ дождей, и собираютъ огромные урожаи. Съ того времени прошло уже пять лѣтъ, мнѣ пришлось объѣхать почти весь туркестанскій край, присмотрѣться самому къ хозяйству туземцевъ и мно-

гое услышать отъ другихъ и все непонятное въ то время стало яснымъ. Припомнился же теперь рассказъ дяди Ивана потому, что въ послѣднее время газеты стали толковать объ образованіи русскихъ земледѣльческихъ поселеній въ туркестанскомъ генераль-губернаторствѣ, причемъ и рассказываютъ о предполагаемыхъ для привлеченія переселенцевъ льготахъ, какъ напримѣръ, освобожденіе отъ воинской повинности, отъ подушной подати, разсрочкѣ въ уплатѣ другихъ податей и прочее.

Уже болѣе пятнадцати лѣтъ русскія войска проникли въ глубь Средней Азіи, въ страны, называемыя Туркестаномъ. Они лежатъ въ степяхъ далеко за Ураломъ, занимая часть бухарскихъ и хивинскихъ земель и все ханство кобанское. Сюда же присоединена и Семирѣченская область. Это туркестанское генераль-губернаторство. Оно состоитъ изъ областей Семирѣченской, Сыр-Дарьинской съ Аму-Дарьинскимъ отдѣломъ и Заравшанскимъ округомъ и Ферганской области. Главныя рѣки тамъ: Сыръ-Дарья, Аму-Дарья и Заравшанъ, но есть и другія небольшія, текущія изъ горъ, окружающихъ степи. Климатъ тамъ жаркій, о какомъ въ Россіи и понятія не имѣютъ: растутъ виноградъ, хлопчатникъ, который вату даетъ, рисъ, шелковичный червь разводится. Жители тамъ разныя кочевыя племена, исповѣдующія вѣру Магомета, какъ въ Россіи татары, занимаются скотоводствомъ: лошадей, овецъ, рогатый скотъ разводятъ; потому то они и кочуютъ, то есть переходятъ по степямъ съ мѣста на мѣсто, по мѣрѣ того,

какъ скотъ съѣдаетъ подножный кормъ. Кромѣ кочевыхъ, есть жители осѣдлые, которыхъ русскіе называютъ сартами; эти когда то прежде тоже кочевали, но потомъ занялись хлѣбопашествомъ, разведеніемъ винограда, выдѣлкой шелка, торговлей, и населяютъ теперь города и селенія, которыя и строились ими по мѣрѣ того, какъ они переходили изъ кочеваго состоянія въ осѣдлое. И теперь можно встрѣтить тамъ киргизовъ, которые хетя и не оставили своего главнаго занятія, — скотоводства, но начинаютъ уже привыкать и къ хлѣбопашеству; засѣваютъ поля и отправляются въ кочевку, а потомъ приходятъ урожаи собирать; нѣкоторые даже строятъ аулы или такъ называемыя зимовки, гдѣ проводятъ зиму, торгуютъ скотомъ, молокомъ, масломъ. Со временемъ, вѣроятно, и они обратятся въ вполне осѣдлыхъ жителей.

Когда русскія войска расположились въ азіатскихъ городахъ, попали изъ Россіи и Сибири купцы, стали привозить разный товаръ изъ Москвы, съ макарьевской, да съ ирбитской ярмарокъ, а вывозить шелкъ да вату, которые отправляютъ до города Оренбурга караванами, на верблюдахъ. Русскіе земледѣльцы пока почти и не селились въ этомъ краѣ, за исключеніемъ сѣверной части Семирѣченской области, давно уже заселенной семирѣченскими да алтайскими казаками.

Переселеніе русскихъ земледѣльцевъ въ этотъ край весьма желательно и можетъ принести большую пользу. Туземцу во многомъ есть чему поучиться у русскаго хлѣбо-

пашца въ дѣлѣ обработки земли, которую до сихъ поръ онъ воздѣлываетъ способами вполнѣ первобытными. Кромѣ того, сартъ или киргизъ въ настоящее время видитъ возлѣ себя изъ русскихъ или солдата, или купца. Перваго онъ сторонится, видя въ немъ своего покорителя, другому не довѣряетъ, боясь съ его стороны обмана, — чему бывало не мало примѣровъ. Совершенно другое дѣло, когда онъ будетъ имѣть своимъ сосѣдомъ русскаго земледѣльца: онъ скоро пойметъ, насколько тотъ можетъ быть для него полезенъ. Два, три случая, въ которыхъ русскіе окажутъ какую-нибудь помощь сарту или дадутъ ему добрый совѣтъ, — расположатъ къ нимъ скоро цѣлое окрестное населеніе, а такое расположеніе несомнѣнно послужитъ къ упроченію русскаго вліянія и значенія русскаго имени въ Средней Азіи.

Но вопросъ о переселеніи имѣетъ и другую сторону, а именно: насколько мѣстныя условія климата, почва и, наконецъ, жизнь удовлетворяютъ потребностямъ русскаго человека, рѣшающагося переселиться въ такой отдаленный край. Конечно, скажутъ, что отъ добра добра не ищутъ, что желаніе переселиться можетъ явиться только у того, кому дома очень плохо пришлось; но вѣдь не малую притягательную силу могутъ имѣть и обѣщаемыя льготы и богатство земли, которой дадутъ сколько хочешь. Не мало и нашихъ солдатиковъ послужило въ томъ краю; приходятъ домой и рассказываютъ, что кромѣ пшеничнаго хлѣба, другаго тамъ не ѣли, каша рисовая, какой нашъ мужикъ и не видѣлъ никогда; объ

урожаяхъ заговаривать, такъ наши и вѣры не даютъ, — шутка ли, пшеница самъ 30, рисъ самъ 100, а то и больше. Многіе надъ этимъ призадумаются, а особливо за кѣмъ недоимокъ прикопилось не мало; отчего, молъ, не отправиться испытать счастья, авось, вывезетъ кривая, — ну, если солдатикъ на половину правду сказалъ, все-таки о такой благодати здѣсь и не слыхивали. Солдатикъ дѣйствительно говорилъ правду въ своихъ разсказахъ: пшеница родится въ туркестанскомъ краѣ самъ 30 рисъ самъ 100 и болѣе, но солдатикъ вѣлшеничный хлѣбъ и рисовую кашу, которые казна для него готовила, а какой трудъ положилъ земледѣлецъ-сартъ, чтобы получить эти урожаи и сколько доходу ему дали — этого солдатикъ не знаетъ, да и знать ему не зачѣмъ, гдѣ бы ему быть не довелось, вездѣ его казна кормить и о кускѣ хлѣба ему заботиться не приходится... Другое положеніе русскаго переселенца-земледѣльца, который при новыхъ, совершенно незнакомыхъ ему, условіяхъ жизни, долженъ своимъ трудомъ пріобрѣтать себѣ хлѣбъ. Я сказалъ уже, что русскіе земледѣльцы раньше всего стали селиться въ Семирѣченской области, посмотримъ, какъ они тамъ живутъ.

Самое привольное поселеніе, наиболѣе обезпечивающее своими угодами благосостояніе жителей — это Лепсинская станица, Тутъ лѣса — ель, береза; нижніе концы лѣсныхъ долинъ широки, съ черноземистымъ суглинкомъ, дожди здѣсь часты, такъ что земли обрабатываются безъ орошенія. Сѣнокосовъ много на хорошей почвѣ. которую весна-

нія воды обогащаютъ лѣснымъ перегноемъ, сносимымъ сверху изъ горныхъ лѣсовъ. Эти сѣнокосы обезпечиваютъ содержаніе многочисленнаго скота. Между пашнями, лѣсами и сѣнокосами до сихъ поръ еще сохранились достаточныя пастбища. Но лучшее угодые Лепсинцевъ—это обиліе дикорастущихъ цвѣтовъ и деревьевъ съ дуплами. Здѣсь основаніе ихъ пчеловодства, которое они перенесли съ Алтая. Сбытъ меда обезпечивается въ Ташкентѣ, а воскъ отправляютъ въ западную Сибирь. Попадаются въ окрестностяхъ Исыкъ-Куля малороссы и великороссійскіе крестьяне; это ходоки, посланные изъ своихъ деревень для пріисканія мѣстъ для поселеній. Начали они съ работъ офицерскихъ построекъ на Аксуйскомъ посту; на заработанныя деньги завели запашку, купили у киргизовъ сѣмьянъ, сами учились орошенію, а киргизскихъ рабочихъ учили пахать поакуратнѣе, по русски. Между полевыми работами находили время и на посторонніе заработки на Аксуйскомъ и Заукентскомъ постахъ; завели рабочій скотъ, промышляютъ и извозомъ между этими постами, и довольны своими трудовыми деньгами. Пособій имъ не было, что они имѣютъ, все заработано ими; земельного надѣла имъ тоже не было дано, добыли они его отъ киргизовъ, чуть-ли не наняли за безцѣнокъ или были даромъ допущены на свободные участки, такъ какъ съ киргизами живутъ въ ладахъ, какъ и съ войсками. Казаки имъ больше вѣрятъ, чѣмъ другъ другу. У нихъ оставляютъ свое имущество, отправляясь въ походъ.

Землю они хвалятъ; привольная, говорятъ, хоть арбузы и плохи; на помощь дождямъ весьма мало нужно орошенія.

Но не много такихъ мѣстъ въ туркестанскомъ краѣ, гдѣ-бы русскій человѣкъ могъ найти эти удобства жизни и чувствовать себя какъ дома; почти всѣ такія мѣста уже заняты, и переселяющимся въ настоящее время, нужно быть готовыми на совершенно новую жизнь. Они не встрѣтятъ тамъ ничего похожего на то, что привыкли видѣть у себя. Нѣтъ тамъ ни лѣсовъ, ни сѣнокосовъ, ни яровой, ни озимой посѣвъ безъ поливки поля урожая не даетъ, — потому что, если дожди и бываютъ, то только въ теченіе декабря и января, да и то не каждый годъ; бываетъ и такъ, что зимой, въ продолженіи мѣсяца, небольшіе безснѣжные морозы простоятъ, — такъ что на озимой посѣвѣ и рассчитывать нельзя. Попадаются, правда, такія мѣста при подошвахъ горъ, гдѣ, отъ таянія снѣговъ въ горахъ, вода ранней весной орошаетъ пашни, — тамъ озимые посѣвы удаются, — но за то тамъ только и засѣваютъ на зиму; весной никакого посѣва сдѣлать нельзя, — воды лѣтомъ достать неоткуда; и лежатъ то такія мѣста далеко отъ селеній, такъ что только кочевые киргизы ими и пользуются. Посѣютъ на авось, да и отправляются въ кочевку, оставивъ поле безъ всякаго присмотра; къ лѣту пришлютъ кого нибудь собрать урожай; удался — хорошо, — не удался и жалѣть не будутъ, такъ какъ хлѣбопашество у нихъ не главное занятіе, а больше они скотомъ торгуютъ, преимущественно овцами,

которыхъ разводять въ большомъ количествѣ.

Мѣстное туземное осѣдлое населеніе не нуждается въ дождѣ для полученія большихъ урожаевъ съ своихъ пашень; воду на поля они проводятъ изъ рѣкъ или горныхъ ручьевъ, — лѣса не составляютъ для нихъ необходимой потребности, — живутъ они въ сакляхъ, которыя строятъ просто изъ глиняныхъ катышковъ, высушиваемыхъ на солнцѣ. Топливомъ служить или уголь, покупаемый у киргизовъ, которые выжигаютъ его въ горахъ или кизякъ, смѣсь помета рогатаго скота съ глиной; сѣнокосы имъ тоже не нужны, — они сѣютъ клеверъ, который сохраняется на зиму, какъ у насъ сѣно, для корма скота. Сѣять они пшеницу, ячмень, рисъ, джугару — растеніе, похожее на кукурузу, зерно котораго главнымъ образомъ употребляется въ кормъ лошадямъ, какъ у насъ, овесъ и частію въ видѣ муки идетъ въ примѣсъ къ пшеничной мукѣ, изъ которой пекутъ лепешки, замѣняющія нашъ хлѣбъ. Кромѣ того, сѣять хлопчатникъ, изъ котораго получается вата, бунджутъ, изъ сѣмянъ котораго готовятъ масло, въ родѣ нашего подсолнечнаго. Ленъ тоже сѣять, но только для масла; о волокнѣ понятія не имѣютъ, льняныхъ полотенъ не ткутъ, а выдѣлываютъ мату, родъ полотна изъ хлопчато-бумажныхъ нитей. Урожаи получаютъ большіе: пшеница и ячмень родятся самъ 20 и больше, рисъ и просо самъ до 100, джугара самъ 200. Такіе урожаи обуславливаются поливкой полей, такъ называемымъ, искусственнымъ орошеніемъ. Для того, чтобы провести воду на

поле, нужно или отвести ее изъ ближайшей рѣки, прорывъ для этого канаву изъ мѣста, лежащаго выше того, которое нужно орошать, или же посредствомъ какого нибудь приспособленія, поднять ее, если поле, которое хотятъ оросить, находится возлѣ самой рѣки. И тотъ и другой способъ издавна извѣстны туркестанскимъ сартамъ. Для того, чтобы провести воду изъ рѣки канавой, или, какъ тамъ называютъ, арыкомъ, нужно начать копать эту канаву отъ рѣки по возможности выше, чтобы вода текла по ней сильнѣе, потому что для поливки поля нужно запружать ее, нужно заставить воду выдти изъ береговъ канавы и залить все поле. Поэтому, если пахатныя земли находятся не въ близкомъ разстояніи отъ рѣки, что тамъ часто случается, такъ какъ вообще рѣкъ не много, то иногда такая канава роется верстъ за двадцать и болѣе отъ пахатныхъ земель и проходитъ сначала по безлюдной степи. Чтобы прорыть такую канаву нужна работа нѣсколькихъ тысячъ людей. Такъ оно и дѣлалось. Тысячи людей проводили воду и селились на этихъ мѣстахъ. Изъ этихъ туземныхъ поселеній образовались цѣлыя волости. Въ каждую деревню, или, какъ тамъ называютъ, кишлакъ, изъ главной канавы проведена побочная, которая вырыта совмѣстнымъ трудомъ цѣлаго населенія этой деревни и, затѣмъ, изъ этой уже побочной канавы, каждый домохозяинъ проводитъ воду на свое поле. Много труда потрачено на проведеніе воды, потому что она составляетъ первое условіе для полученія хорошаго урожая. такъ какъ плодород-

ность почвы и климатъ тамъ почти повсемѣстно однообразны. За то и дорожатъ они водой; опытомъ дано сколько ее требуется для орошенія десятины земли подъ каждый посѣвъ, и по этому расчету каждый хлѣбопашецъ и получаетъ воду на свой участокъ земли. Есть такіе посѣвы, какъ напримѣръ рисъ, которые требуютъ много воды, — потому въ тѣхъ селеніяхъ, гдѣ ее не много, риса сѣять не позволяютъ. Распредѣленіемъ воды завѣдуютъ особыя лица, выбираемыя населеніемъ, какъ у насъ выбираютъ старостъ и называемыя арыкъ-аксакалами; каждая деревня выбираетъ такого старосту для завѣдыванія канавой, проводящей воду на ея поля; каждая волость для канавы, изъ которой проводится вода въ принадлежащія къ ней деревни, и наконецъ всѣ волости, получающія воду изъ главной канавы, проведенной прямо изъ рѣки, выбираютъ старшину или такъ называемаго мирабъ-баши, которому подчиняются всѣ арыкъ-аксакалы. Обязанности ихъ состоятъ въ томъ, чтобы каждая волость, каждая деревня и, наконецъ, владѣлецъ cadaго поля получалъ воды столько, сколько ему слѣдуетъ по расчету на извѣстный годъ, такъ какъ количество воды въ рѣкѣ, а слѣдовательно и въ главной канавѣ, прямо зависитъ отъ выпавшаго въ горахъ за зимніе мѣсяцы снѣга, что не каждый годъ бываетъ одинаково. Это водяное начальство пользуется у народа большимъ почетомъ и уваженіемъ съ незапамятныхъ временъ; о распредѣленіи воды и завѣдываніи ею говорится и въ магометанскихъ священныхъ книгахъ. Вообще, народъ

такъ привыкъ цѣнить и уважать воду, безъ которой ему пришлось-бы голодать, что даже каждой канавѣ, приносящей воду въ деревню, даетъ особое названіе, какъ у насъ даютъ рѣкамъ и рѣчкамъ.

Если у сарта спросить, къ какой онъ принадлежитъ волости, то онъ можетъ быть и не отвѣтить, потому что названія волостей придуманы уже русскимъ начальствомъ, но на вопросъ на какой водѣ онъ сидитъ, онъ отвѣтитъ не запинаясь.

Оросительныя каналы ежегодно мелѣются, засариваются отъ ила, который наносится рѣчной водой, имѣющей въ туркестанскихъ рѣкахъ бѣловато-сѣрый цвѣтъ, какъ будто бы въ ней разболтана глина, а потому каждую весну необходимо ихъ углублять, расчищать, что тоже требуетъ работы многихъ людей.

Тамъ, гдѣ пахатныя земли лежатъ вблизи рѣки, вода проводится на поля посредствомъ поднятія ея изъ рѣки. Поднимаютъ воду двумя способами, или черпаками, или особой машиной, называемою чигиремъ. Черпаками поднимаютъ воду тамъ, гдѣ берега высоки, а уровень воды въ рѣкѣ низокъ. Для этого оканчиваютъ берегъ уступомъ, на которомъ роютъ яму, — черпакъ подвѣшиваютъ на веревкѣ къ треногѣ, которую устанавливаютъ на самой водѣ возлѣ берега. Одинъ или два человѣка раскачиваютъ черпакъ и вбрасываютъ имъ воду въ яму, откуда уже канавами проводятъ ее на поля. Если берегъ очень высокъ, — то невозможно поднять черпакомъ воду на такую высоту, откуда она могла-бы прямо канавами разосыпаться на поля; тогда обрываютъ берегъ нѣсколькими уступами, — на

каждомъ уступѣ дѣлаютъ ямы для собиранія воды и надъ каждой ямой ставятъ черпакъ, который выбрасываетъ воду въ яму, лежащую выше и такъ далѣе, пока она не достигнетъ той высоты, откуда ее уже можно провести на поле канавой. Такіе черпаки въ нѣсколько ярусовъ можно встрѣтить по берегамъ рѣки Сыра въ казалинскомъ уѣздѣ у осѣдлыхъ киргизъ. Увидавъ, какъ нѣсколько людей, совершенно голыхъ, подъ палящимъ солнцемъ въ теченіе цѣлаго дня, раскачиваютъ эти черпаки, можно только удивляться, чего не въ состояніи перенести человѣкъ, въ силу необходимости и привычки. Черпаки нельзя дѣлать большіе, иначе они были бы слишкомъ тяжелы, — а при не большихъ черпакахъ и воды выбрасывается меньше; поэтому понятно, сколько самаго тяжелого труда нужно употребить на орошеніе десятины земли. Гдѣ поля расположены не особенно далеко отъ рѣки, берегъ не очень высокъ, но мѣстность не имѣетъ такого сильного склона, чтобы воду можно было провести прямо изъ рѣки канавой, начавъ ее рыть не въ далекомъ разстояніи отъ пашень, — тамъ устраиваютъ водоподъемныя машины, чигири. Для этого роютъ отъ рѣки глубокую канаву на пространство полуверсты, а иногда и болѣе и углубляютъ ее въ концѣ, вырывъ довольно большую яму, въ родѣ нашихъ сажалокъ, гдѣ и скопляется вода. Надъ ямой и устраивается чигирь. Чигирь состоитъ изъ большаго деревяннаго колеса въ сажень и болѣе въ поперечникѣ, установленнаго на воду, подобно колесу. По ободу колеса прикрѣпляются

глиняныя кувшины съ широкими горлами; такихъ кувшиновъ привязываютъ отъ десяти до тридцати штукъ, смотря по величинѣ колеса. Для того, чтобы колесо вертѣлось, къ нему придѣлывается шестерня, соединяющаяся съ воротомъ. Возлѣ колеса устанавливается жолобъ, иногда длиною сажень десять и болѣе; при окончаніи жолоба роется канавка, которая проводитъ воду до самой пашни. Когда колесо начинаетъ вертѣться, то нижній кувшинъ зачерпываетъ воду изъ ямы и, поднявшись на верхъ, выливаетъ ее въ жолобъ, такъ что при каждомъ оборотѣ колеса всѣ кувшины успѣютъ зачерпнуть воду изъ ямы и вылить ее въ жолобъ, а оттуда, при значительной высотѣ и наклонѣ жолоба, она быстро бѣжитъ по канавѣ на пашню. Въ воротъ впрягается волъ, лошадь или верблюдъ, причемъ животному отъ головокруженія завязываютъ глаза. Погоняютъ обыкновенно мальчишки. Чтобы предохранить отъ сильного жара, какъ погонщика такъ и животное, вокругъ чигири сажаютъ тополи или тальникъ, которые тамъ быстро разрастаются.

Чигири устраиваются и на большихъ канавахъ, арыкахъ, если, при незначительности склона мѣстности, теченіе въ нихъ очень слабо.

Такой способъ поднятія воды, конечно, гораздо лучше, во-первыхъ, потому что въ одно и тоже время можно поднять ее гораздо больше, чѣмъ черпакомъ, а во-вторыхъ потому, что здѣсь человѣческая сила замѣнена силой животнаго; но зато устройство чигири обходится очень дорого; — состоитъ онъ глав-

нымъ образомъ изъ дерева и желѣза, а въ Туркестанѣ то и другое дорого цѣнится. Лѣсовъ нѣтъ, деревья разводятъ въ садахъ и за тополевою жердь, толщиной въ руку и длиной сажени полторы, двѣ, — въ нѣкоторыхъ мѣстахъ приходится платить по рублю и больше, а изъ такого лѣса чигиря построить нельзя и устройство его обходится отъ 150 до 200 рублей и дороже, хоть воды онъ даетъ все-таки не очень много. При тѣхъ сильныхъ жарахъ, которыя стоятъ тамъ въ теченіи трехъ, четырехъ мѣсяцевъ, земля требуетъ много воды и политое въ жаркое время поле, совершенно высыхаетъ и растрескивается въ три, четыре дня. Впрочемъ, способъ орошенія не всегда только зависитъ отъ близости или удаленія пашень отъ рѣкъ, а также и отъ привычекъ населенія. Въ ферганской области, бывшемъ коканскомъ ханствѣ, на примѣръ, жители не употребляютъ ни черпаковъ, ни чигирей, а проводятъ воду постоянно канавами. Можетъ быть это и оттого, что населена эта область значительно гуще другихъ, а проведеніе воды канавами требуетъ, какъ я уже сказалъ, очень много рабочихъ рукъ.

Я потому такъ много говорю

объ орошеніи, что это самый тяжелый, самый несвойственный, непривычный трудъ, который необходимо долженъ выпасть на долю русскаго поселенца въ средней Азіи. Рассчитывать получить землю, на которую уже проведена вода раньше, онъ не можетъ; за такія земли мѣстное населеніе, сарты, какъ говорится, зубами держатся. Подъ русскія поселенія могутъ отводиться земли, годныя къ обработкѣ, которыя можетъ быть раньше и обрабатывались а потомъ заброшены; найдутся на нихъ и слѣды старыхъ оросительныхъ канавъ, но, чтобы оросить ихъ, придется приложить много самаго тяжелаго труда.

Не мало и другихъ невзгодъ и затрудненій встрѣтитъ русскій хлѣбопашецъ, переселяющійся въ туркестанскій край. Хорошо было бы, если бы русскій земледѣлецъ, прежде чѣмъ рѣшиться переселиться въ эту далекую страну, сообразилъ свои силы и всѣ препятствія, которыя онъ можетъ встрѣтить и на пути, и въ новомъ краѣ, а не совался бы, по пословицѣ, въ воду, — не спросивъ броду, какъ это сдѣлалъ дядя Иванъ и тѣ, что съ нимъ вмѣстѣ вернулись въ Россію.

А. Казаковъ.